

К ИСТОРИИ КОЛЛЕКЦИИ ПРЕДМЕТОВ ИЗ ЛИТОГО (МЕЛЬГУНОВСКОГО) КУРГАНА

© 2012 г. Л.И. Бабенко

Харьковский исторический музей (babenkoleonid@yandex.ru)

Ключевые слова: *Мельгуновский клад, Литой курган, скифы, Эрмитаж, Харьковский исторический музей, Паритетная комиссия.*

In 1763 A.P. Melgunov gave orders to excavate the Litoy mound, which event marks the emergence of Scythology. The finds were transported to the Kunstkamera in St. Petersburg, and later became part of the collection of the Imperial Hermitage. In 1932 the Parity Commission ruled that part of the Melgunov hoard be transported from the Hermitage to the Kharkov Historical Museum in the Ukraine. For many years the Khakov part of the Melgunov hoard was considered lost in the Great Patriotic War. However, several objects from the assemblage have been discovered in the vaults of the Kharkov Historical Museum. The objects comprise a leg of a throne stool and fragments of three silver tubes, and help clarify the location where the hoard was stored.

Рождение скифологии, 250-летний юбилей которой будет вскоре отмечаться, традиционно связывают с раскопками в 1763 г. по распоряжению генерал-поручика А.П. Мельгунова Литого кургана, получившего по фамилии инициатора исследования свое второе название – Мельгуновский (широко распространен также термин “Мельгуновский клад”). На протяжении всего периода интерес к “старейшине скифских древностей” и “великому Патриарху” (Бокий, 1992. С.13, 14) был неизменно высок. Дважды, с перерывами почти в столетие, проводились работы по доисследованию самого кургана: в 1892 г. В.Н. Ястребовым (Отчет..., 1894. С. 36, 37) и в 1990 г. Н.М. Бокий, а в 1949 г. он был осмотрен А.И. Тереножкиным во время разведок по Кировоградской обл. (Тереножкин, 1952. С. 113). Сам памятник еще в дореволюционное время, случай редчайший, стал объектом монографического исследования (Придик, 1911). В дальнейшем к материалам кургана обращались многие авторитетные скифологи (Ростовцев, 1925. С. 469, 470; Манцевич, 1958; Онайко, 1966. С. 31, 33; Граков, 1971. С. 126, 127; Артамонов, 1974. С. 68–70; Черненко, 1980; Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 99–104; Мурзин, 1984. С. 19, 20; Бессонова, 1990 и др.). Уже в новейшее время были отдельно изучены как ряд предметов этого комплекса (Кисель, 2003; Metdepenningen, 1997; Michel, 1995), так и вопросы, связанные с историей изучения кургана (Тункина, 1998; 2006; Tunkina, 2007). Являясь одним из древнейших погребальных памятников скифской аристократии

Северного Причерноморья, Литой курган прочно занял опорное место в кругу древностей скифской архаики (Алексеев, 2003. С. 295).

Коллекция предметов из Литого кургана имеет непростую судьбу. По извлечению находки были доставлены в Петербург, именованным указом Екатерины II переданы в Академию наук и помещены в Минц-кабинет Кунсткамеры. В 1859 г. по повелению Александра II несколько предметов (ножны акинака, диадема и ножки парадного табурета) были переданы из Нумизматического кабинета Академии наук в коллекцию Императорского Эрмитажа. Оставшаяся часть предметов Мельгуновского клада поступила в Эрмитаж в 1894 г. по причине упразднения Музея классической археологии при Академии наук (Тункина, 2006. С. 140, 143).

Дальнейшее перемещение предметов Мельгуновского клада состоялось в 1932 г., когда по решению Паритетной комиссии из Эрмитажа в Украину были переданы, полностью либо частично, материалы шести скифских курганов: помимо Мельгуновского это Александропольский, Шульговка, Чмырева Могила, Ильинецкий и Первый Мордвиновский курганы (Сидоренко, 1972; Кот, 1993; Нестуля, Нестуля, 2006; Гетьман, 2007). При этом часть коллекции Мельгуновского клада была оставлена в Эрмитаже для снятия гальванокопий. Ниже приводятся выдержки из Списка оставленных и Описи передаваемых предметов в части, касающейся непосредственно предметов Мельгунов-

ского клада (стилистика и орфография документов сохранены, явные опечатки исправлены) ¹ .		1615	1/3	на обратной стороне припаяны 4 ушка
		1616	1/4	на обратной стороне припаяны 4 ушка
Список предметов, остающихся в Эрмитаже для снятия гальванопластических копий. 1763 г. Мельгуновск. курган				
№ п/п	№ инв.	Наименование		
1	1/10	Бляшка-птица	1618	1/6 на обратной стороне припаяны 4 ушка
2	1/18	Диадема с розетками	1619	1/7 на обратной стороне припаяны три ушка
3	1/19-20	Ножны меча и рукоять	1620	1/8 на обратной стороне припаяны три ушка
4	1/21	Надломка пластины с обезьяной	1621	1/9 на обратной стороне припаяны 4 ушка
5	1/23	Ножка трона серебряная	1622	1/11 на обратной стороне припаяны 4 ушка
6	1/27	Трубочка серебряная	1623	1/12 на обратной стороне припаяны 4 ушка
7	1/31	Цилиндр серебряный прорезной	1624	1/13 на обратной стороне припаяны 4 ушка
8	1/34	Гвоздь серебряный	1625	1/14 на обратной стороне 4 ушка
9	1/35	Гвоздь серебряный, малый	1626	1/15 на обратной стороне припаяны 4 ушка
10	1/38	Стрела бронзовая плоская с шипом	1627	1/16 на обратной стороне припаяны 3 ушка
11	1/39	Стрела бронзовая трехгранная с шипом	1628	1/17 металл более желтый. Пропорции другие
12	1/40	Стрела бронзовая трехгранная	1529	1/22 25 обломков золотой обивки в виде ленты ³
13	1/41	Стрела бронзовая трехгранная	1630	1/24 Предмет в виде трубки серебряной
14	1/42	Стрела бронзовая трехгранная меньшая	1631	1/25 Предмет в виде трубки серебряной
15	1/43	Стрела бронзовая трехгранная иного типа	1632	1/26 Предмет в виде трубки серебряной
16	1/44	Стрела бронзовая трехгранная иного типа	1633	1/28 Трубочка серебряная
Опись предметов, передаваемых из Гос. Эрмитажа в Музей УССР, согласно постановления Паритетной Комиссии из б. Эллино-Скифского Отделен.		1634	1/29	Трубочка серебряная
Литой курган близ Елисаветграда, Херсонск. губ. Раскопки по поручению Мельгунова		1635	1/30	Трубочка серебряная
1763 г.		1636	1/32	Обломок бронзового предмета
№ п/п	№ инв.	Наименование	1637	1/33 Обломок железного предмета
1613	1/1	17 ² блях золотых	1638	1/34 18 гвоздей бронзовых ⁴
1614	1/2	на обратной стороне припаяны 4 ушка		

¹ Подлинные Опись и Список хранятся в Архиве Государственного Эрмитажа (Ф.1. Оп. V-1932. Д. № 88). Согласно отношения № 0193-1964 г. в Харьковский исторический музей были переданы копии этих документов, заверенные подписями заместителя директора Государственного Эрмитажа по науке В.Ф. Левинсона-Лессинга и старшего научного сотрудника Архива Государственного Эрмитажа В.П. Колокольниковой.

² Явная опечатка. Всего в кургане было обнаружено 17 блях, одна оставлена в Эрмитаже, а в Украину передано 16 (за исключением инвентарного номера 1/10), что прекрасно видно из публикуемой описи (16 инвентарных номеров – 1/1–1/9, 1/11–1/17).

³ Обломки пластины, украшенные точечным орнаментом (Придик, 1911. Табл. II).

⁴ В этой и следующей позициях материал гвоздей (бронза) указан явно ошибочно. В списке оставленных в Эрмитаже предметов такие же гвоздики записаны как серебряные. Е.В. Придик считал их железными с обтянутой золотой пластиной головкой (1911. С. 20), но в последующих работах гвоздики атрибутированы как серебряные с обтянутой золотой фольгой шляпкой (Манцевич, 1958. С. 199; Кисель, 2003. С. 130). Также где-то “потерялся” один большой гвоздик – по Е.В. Придику их было 20 (1911. С. 20), один оставлен в Эрмитаже, в Харьков в этом случае должны были передать не 18, а 19 гвоздей.

1639	1/35	2 гвоздя бронзовых
1640	1/36	Обломки серебряного предмета
1641	1/37	Палочка бронзовая, круглая ⁵
1642	1/38	8 наконечников стрел бронзовых
1643	1/39	18 наконечников стрел бронзовых
1644	1/40	5 наконечников стрел бронзовых
1645	1/41	2 наконечника стрелы бронзовые
1646	1/45	5 серебряных и 1 железный обломок
1647	1/46	2 обломка серебряного прорезного цилиндра

В научной литературе сложилось стойкое убеждение о гибели во время Великой Отечественной войны в Харькове переданных из Эрмитажа скифских коллекций (Алексеев, 1985. С. 32; 2003. С. 263; 2006. С. 43; Монахов, 1999. С. 432; Тункина, 2006. С. 143 и др.). К сожалению, это в значительной степени соответствует действительности, но все же не исчерпывающе характеризует сложившуюся ситуацию.

История эвакуации музейных ценностей из Харькова в преддверии оккупации города драматична и даже трагична. Для вывоза коллекций Харьковского исторического музея им. Г.С. Сковороды, Центрального музея революции СССР и краеведческого музея было выделено всего два вагона, в которых смогли разместить лишь 22 ящика с музейными предметами, в 8 из которых содержались предметы из золота и серебра (Рибальченко, 1996. С. 63; Кот, 2009. С. 137). Из фондов исторического музея для вывоза были отобраны только изделия из драгоценных металлов, коллекции медалей и монет, некоторые этнографические и археологические собрания, знамена, наиболее ценные предметы живописи. Вероятнее всего, и коллекция Мельгуновского клада была в очередной раз разделена: изделия из серебра и золота эвакуированы, а бронзовые и железные предметы оставлены в Харькове.

2 (возможно, 3) октября 1941 г. (за три недели до сдачи города) эшелон вышел из Харькова, а уже 10 октября в десять утра на станции Алексеевка Белгородской обл. прямым попаданием немецкой авиабомбы один из вагонов был полностью уничтожен, при этом погибли и директора обоих музеев – И. Яблочник и С. Компаниец. По воспоминаниям очевидца событий, бойца истребительного батальона Алексеевского отдела НКВД А. Головки, «многочисленные монеты, медали, золотые и серебряные вещи были разбросаны взрывом по всей

станции. Некоторые вещи висели на телеграфных проводах». По распоряжению военного коменданта станции музейные экспонаты были собраны бойцами истребительного батальона, упакованы в восемь ящиков и отправлены в Уфу (Кот, 1993. С. 324; 2009. С. 138).

На этом злослучения коллекции не закончились. Прибыв в Уфу без сопровождения, до декабря месяца экспонаты находились в разбитых вагонах, многие «картины были выброшены, попали под дождь, долго валялись в сырости, частью были расхищены» (Кот, 1993. С. 331). От полной гибели коллекцию спасли банковские работники, передавшие на временное хранение сохранившиеся картины в Башкирский художественный музей, остальные экспонаты, сохранившиеся в восьми ящиках, до мая 1942 г. находились в Башкирской конторе Госбанка, а затем были переданы уполномоченным представителям Народного комиссариата просвещения СССР. При передаче была проведена инвентаризация содержимого ящиков. Согласно акту передачи, предметы из археологических коллекций могли находиться в ящиках № 5, 6 и 7, содержавших, по определению авторов документа, «металлические вещи церковного характера». Все ящики были «сильно повреждены, очевидно, во время бомбардировки, так как на многих вещах имеются следы пробоин осколками снарядов.

От некоторых вещей остались только части, многие сплющены и превращены в бесформенную массу, поэтому комиссия решила принять эти вещи по весу.

«Ящик № 5 общий вес вещей 116.665 кг

Ящик № 6 -//- 124.800 кг

Ящик № 7 -//- 88.615 кг»

(Кот, 1993. С. 333).

В феврале 1944 г., перед отправкой вещей в Украину, во время передачи коллекции сопровождавшим лицам была проведена повторная инвентаризация, при этом вес вещей из ящика № 7 совпал с предыдущим взвешиванием, в ящике № 6 вес содержимого был больше на 4.5 кг (128.3 кг), зато в ящике № 5 зафиксирована недостача в 19.165 кг (97.5 кг), т.е. часть вещей могла быть похищена и в промежутке между маем 1942 и февралем 1944 г. Очень важно, что при осмотре вещей из ящика № 6 отдельно отмечены «мелкие предметы и среди них экспонаты «Киевская Русь» и проч.». Это прямо свидетельствует, что указанные ящики содержали не только «вещи церковного характера», а и предметы из археологических коллекций (Кот, 1993. С. 333, 334).

⁵ Колчанная застежка (Придик, 1911. С. 20).

В этом же году остатки эвакуированной коллекции были перевезены из Уфы в Киев и, наконец, 5 ноября 1944 г. доставлены в Харьковский исторический музей.

Совсем недавно киевскому историку С.И. Коту удалось отыскать еще несколько подробностей истории эвакуации харьковских музейных коллекций – отрывочных и довольно противоречивых. Так, в письме заместителя наркома образования УССР С. Бухала к начальнику Воронежского областного управления НКВД утверждалось, что на станции Алексеевка было разбито только четыре ящика с экспонатами. Эти ящики были взяты на учет сотрудниками Алексеевского отдела НКВД и переданы на хранение в подвалы планового отдела Алексеевского райсовета, однако дальнейшая их судьба неизвестна (Кот, 2009. С. 139).

Второе свидетельство еще более туманно. По воспоминаниям бойца Красной Армии П. Иванова, в конце октября 1941 г. на станции Купянск-Узловая он обнаружил шесть ящиков с пометкой “Харьковский исторический музей”, погрузил их в вагон и в сопровождении раненого сослуживца отправил в Саратов (Кот, 2009. С. 138).

Судьба коллекций, оставшихся в Харькове, не менее драматична. Неэвакуированные музейные коллекции с самого начала оккупации подверглись разграблению – как стихийному, целью которого было получение “сувениров” на память о взятии Харькова и принявшего к ноябрю 1941 г., по воспоминаниям очевидцев, характер спортивного состязания, так и организованному рабочей группой Оперативного штаба Розенберга (*Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg*), отвечавшего за поисковые и эвакуационные операции, связанные с архивами, библиотеками и музеями на оккупированных территориях.

В ноябре 1941 г. городской управой путем объединения четырех музеев (исторического, краеведческого, антирелигиозного и революции) был создан Музей Слобожанщины (директор О.Н. Рудинский). Сотрудниками музея была разработана тематическая структура новой экспозиции, в которой первые пять разделов посвящались древнему прошлому края (Рибальченко, 1996. С. 63, 64).

Однако с июля 1942 г. по инициативе оккупационных властей начались работы по созданию отдельной археологической выставки, которой отводилась важная пропагандистская задача – посредством презентации прежде всего черняховских древностей обосновать права захватчиков на территории, занятые в позднеримское время готскими племенами. Для этой цели археологические коллек-

ции исторического музея и фонды археологического музея Харьковского университета были свезены в здание педагогического института, занятое незадолго перед этим под медицинский склад (Сумская, 33). Выставка открылась 1 ноября, один из ее разделов был посвящен непосредственно и скифскому периоду (комната № 6, тема “Греция и скифы”). В ночь с 14 на 15 февраля 1943 г., перед уходом из города немецкими оккупантами здание, в котором находилась археологическая выставка, было подожжено сразу в нескольких местах.

Во время второй оккупации Харькова (март–август 1943 г.) была предпринята попытка по созданию новой выставки (в том числе и с использованием уцелевших археологических материалов) в здании бывшей картинной галереи (Бассейная, 18). Однако вплоть до окончательного освобождения Харькова 23 августа сожженная археологическая выставка оставалась неразобранной и лишь с октября 1943 г. И.Ф. Левицким на протяжении “трех сезонов” проводились систематические работы по спасению уцелевших экспонатов. Среди внесенных в реестр найденных во время раскопок экспонатов значатся и некоторые предметы “эрмитажной коллекции”, в частности бронзовые круглые бляхи и колокольчики из Александропольского кургана, обломок навершия с головой оленя из Чмыревой Могилы, многие из которых имеют следы пребывания в огне (копоть, оплавленные части), но вещей, атрибутированных как “мельгуновские”, в списке нет.

Интереснейшим документом является “Инвентарная опись культурно-исторических ценностей и материалов Украинского государственного исторического музея, разграбленных и уничтоженных немецко-фашистскими захватчиками в 1941–43 гг.”. Из-за гибели всей учетной документации опись составлена по памяти (авторы археологической части И.Ф. Левицкий и С.А. Семенов-Зусер) и содержит подробнейший перечень археологических материалов из довоенных коллекций харьковских музеев – как из местных памятников, так и отдаленных. В описи учтен “вещевой материал” (№ 1–63), “археологические собрания” (№ 93–172), “древности Древнего Египта, Греции и Рима” (№ 178–196) и т.д. (общее количество предметов составляет 44544 экз.), однако материалы эрмитажной коллекции здесь представлены в самом конце и чрезвычайно скромно. Под № 197 отмечена “часть материалов Александропольского кургана, неэвакуированная в 1941 г. (бронза и железо)”, всего 60 экз., и под № 198 – “часть материалов из Чмыревой Могилы (бронза, железо)”, всего 25 экз. Создается впечатление, что авторы описи имели весьма отдаленное представление о составе эрмитажной коллекции

(при том что И.Ф. Левицкий с марта 1932 г. был заведующим отделом доклассового общества исторического музея, а С.А. Семенов-Зусер с 1937 г. – заведующим кафедрой древней истории и археологии Харьковского университета) – в противном случае остается труднообъяснимым тот факт, почему при заметном (и справедливом) стремлении составителей создать как можно более репрезентативный документ, оказались “забыты” несколько эрмитажных комплексов (помимо Мельгуновского клада Шульговка и Ильинецкий курган), также содержавших предметы из недрагоценных (а стало быть и неэвакуированных) материалов. Да и указанное количество предметов из Александрополя и Чмыревой Могилы вызывает недоумение, общее количество неэвакуированных предметов из этих комплексов превышает данные из описи на порядок, а то и два.

По всей видимости, все девять довоенных лет эрмитажная коллекция скифских древностей оставалась малодоступной местным археологам для изучения и даже простого ознакомления.

В результате целевого поиска сохранившихся предметов “эрмитажной коллекции” в фондах Харьковского исторического музея было выявлено и несколько уцелевших предметов Мельгуновского клада, возвращенных из Уфы, но до последнего времени не опознанных, а именно: один наконечник ножки

притронного табурета и обломки трех серебряных трубочек. В учетной документации вещи были записаны как “подставки для скифских знамен” – тем самым был посрамлен скептицизм Г.Ф. Миллера, который атрибутировал эти детали как “подсвечники” и полагал, что “другого употребления сих вещей едва ли изъяснить можно” (Придик, 1911. С. 17).

Выяснилось также, что перипетии эвакуации удалось пережить всем трем наконечникам ножек. В 50-е годы они экспонировались отделом истории феодального общества как те же “подставки для скифских знамен” и 1 мая 1957 г. два наконечника (№ 5528/ЛБ-295 и 5730/ЛБ-57) вместе с 24 золотыми бляшками из Александропольского кургана были похищены из экспозиции, о чем и был составлен акт, хранящийся в отделе фондов музея.

Внешний вид наконечника ножки притронного табурета хорошо известен по многочисленным публикациям – он представлен полым усеченным серебряным конусом с едва вогнутыми стенками (ЛБС-265). В верхней части находится орнаментальный пояс из 14 рифленых лепестков, обращенных острым концом вниз. Под лепестками размещается еще один пояс, состоящий из трех валиков: узких гладких по краям и широкого, орнаментированного косым рифлением, посередине. Валики и лепестки обтянуты тонкой золотой пластиной (рис. 1, 1, 2).

Рис. 1. Наконечник ножки табурета. 1, 3 – общий вид; 2 – вид сверху (диам. нижний – 5,8 см, диам. верхний – 5,7 и 5,9; высота – 11; размеры здесь и далее – максимальные).

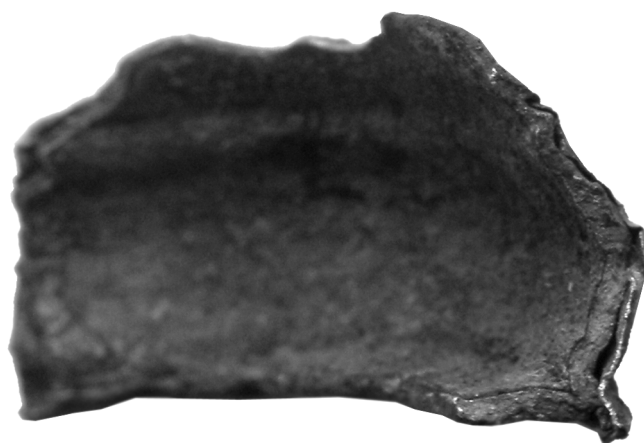
Рис. 2. Полые цилиндрические трубочки. 1, 2 (оборотная сторона) – ЛВС-28, ЛВС-30; 3, 4 (вид снизу) – фрагмент (ЛВС-27); 5 – фрагмент (ЛВС-29). (1, 2 – высота 5,7 см; 2 – диам. нижний 3,4; 3, 4 – диам. 3,5/3,6; 5 – высота 4,2 см, диам. – 3,3).

В верхней части конуса под орнаментальным пояском наконечник ножки имеет повреждение в виде небольшого пролома с неровными краями, в остальном состоянии предмета вполне удовлетворительно (рис. 1, 3). Примечательно, что Е.М. Придик зафиксировал повреждение одной из ножек, у которой был “выломан кусочек” (1911. С. 18). Тем не менее затруднительно установить, речь идет об одном и том же предмете или повреждение “харьковской” ножки имеет более позднее происхождение и соответственно это разные изделия. Разница в весе (248.7 против 243.8 г), казалось бы, свидетельствует в пользу второго предположения, однако нельзя исключать вероятность типографской опечатки (если поменять цифры по обе стороны запятой, вес предметов практически совпадает), изменение веса в результате загрязнения предмета, наконец, погрешности взвешивания. К примеру, при взвешивании наконечника ножки во время экспертизы в Пробнадзоре в 1983 г. был зафиксирован вес 245 г, при повторной экспертизе в 1989 г. – 248.7 г, а при взвешивании предмета на электронных лабораторных весах 3-го класса точности Adventurer при подготовке настоящей публикации вес составил 248.34 г. Необходимо заметить, что вес похищенных наконечников ножек, указанный в инвентарной книге, заполненной во второй половине 1940 – первой половине 1950-х годов, составлял 245 и 260 г, причем у последней ножки также отмечено повреждение в виде пробитой дырочки. Однако высокая степень погрешности данных этой книги (для оставшегося наконечника указан вес 220 г, т.е. отклонение от реального веса составляет минимум 25 г) не позволяет ими воспользоваться.

Высота предмета – 11–11.1 см, диаметр в нижней части – 5.8. Общий вес – 248.7 г. Чистый вес серебра (900°) в изделии составляет 196.8 г (с лигатурой – 218.7 г), чистый вес золота (900°) в орнаментальной обтяжке – 27 г (с лигатурой – 30 г).

Несмотря на “серийность” изделий, каждому предмету свойственны индивидуальные особенности, наиболее отчетливо прослеживаемые в оформлении орнаментальных поясков. Благодаря этому рассматриваемые детали табурета довольно легко узнаваемы на иллюстрации в публикации Е.М. Придика. В частности, “харьковский” наконечник ножки здесь расположен четвертым (1911. Табл. I).

Состояние полых цилиндров в виде трубочки, украшенной двумя орнаментальными поясками (аналогичными по виду нижнему поясу наконечника ножки), расположенными по краю и по середине цилиндра, значительно хуже – ни один из трех предметов не сохранил первоначальный облик. Трубочки в музейной описи обозначены четырьмя

1

2

Рис. 3. Отслоение золотой обтяжки (высота – 1 см).
1 – ЛВС-30; 2 – ЛВС-28.

номерами (ЛВС-27 – ЛВС-30). При этом под двумя номерами (ЛВС-27, ЛВС-29) учтено по одному фрагменту трубочки, еще под двумя (ЛВС-28, ЛВС-30) – по два фрагмента. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что все четыре фрагмента (ЛВС-28, ЛВС-30) принадлежат одному цилиндру – разорванному и сильно помятому (рис. 2, 1, 2). У Е.В. Придика данная трубочка расположена на

четвертой позиции (1911. Табл. I), что легко подметить благодаря особенностям орнаментации срединного кольца – это единственный экземпляр, украшенный не косым, а вертикальным рифлением.

Факт принадлежности двух оставшихся фрагментов, представленных концевым орнаментальным кольцом (ЛВС-27) и срединным кольцом с остатками цилиндра (ЛВС-29), разным трубочкам, а не одной, удается установить лишь благодаря изображениям в указанной таблице. Очевидно, что фрагмент с концевым кольцом – часть трубочки (рис. 2, 3, 4), расположенной в таблице на третьей позиции, фрагмент со срединным кольцом (рис. 2, 5) – на второй (Придик, 1911. Табл. I).

Во многих местах излома очень хорошо прослеживается отслоение золотого листа от серебряной основы (рис. 3). Толщина листа, измеренная в местах отслоения, составляет 0,2 мм.

Интересно также, что экспертизой Пробнадзора во всех четырех фрагментах зафиксирована одинаковая проба серебра – 916°, тогда как проба золотой обтяжки во всех случаях (даже в пределах одного изделия) разная: 600° (ЛВС-27), 500° (ЛВС-28), 958° (ЛВС-29), 900° (ЛВС-30). Это свидетельствует об использовании мастером для обтяжки металла разного происхождения, скорее всего, отходов, оставшихся от изготовления других изделий.

Таким образом, в настоящее время предметы из “старейшины скифских древностей” входят в состав двух музейных собраний – Государственного Эрмитажа и Харьковского исторического музея. Обнаружение, казалось бы, уже безвозвратно утерянных коллекций позволяет надеяться на вероятность подобных находок и в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Ю.* Курган Чмырева Могила и дата его сооружения // СГЭ. 1985. Вып. 50.
- Алексеев А.Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб., 2003.
- Алексеев А.Ю.* Акинак или махайра? Мечи из раскопок Н.И. Веселовского у с. Шульговки в 1891 г. // Древности скифской эпохи. М., 2006.
- Артамонов М.И.* Киммерийцы и скифы. Л., 1974.
- Бессонова С.С.* Скифские погребальные комплексы как источник для реконструкции идеологических представлений // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 1990.
- Бокий Н.М.* Мельгуновский курган – исследования и версии // Киммерийцы и скифы. Мелитополь, 1992.
- Гетьман Д.* Діяльність паритетної комісії із взаємобміну музейними цінностями між РСФРР та УСРР в 1933–1936 рр. // Київська старовина. 2007. № 1.
- Граков Б.Н.* Скифы. М., 1971.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983.
- Кисель В.А.* Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб., 2003.
- Кот С.І.* Нові документи про долю культурних цінностей, переданих з музеїв РСФРР на Україну // Український археографічний щорічник. Вип. 2. Київ, 1993.
- Кот С.І.* Реліквії козацтва в контексті українсько-російських переговорів щодо їх повернення (1920–1930-ті рр.) // Український історичний журнал. 2009. № 1.
- Манцевич А.П.* Головка быка из кургана VI в. до н.э. на р. Калитве // СА. 1958. № 2.
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов, 1999.
- Мурзин В.Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984.
- Нестуля О.О., Нестуля С.І.* Українські культурні цінності в Росії: Спроба діалогу про повернення. 1930. Полтава, 2006.
- Онайко Н.А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н.э. М., 1966 (САИ; Вып. Д1-27).
- Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1892 г. СПб., 1894.
- Придик Е.* Мельгуновский клад // МАР. 1911. Вып. 31.
- Рибальченко Л.Л.* Харківський історичний музей в період німецької окупації 1941–1943 рр. // Культура України. Вип. 3. Харків, 1996.
- Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
- Сидоренко В.О.* З історії обміну культурними цінностями між РРФСР та Україною // Український історичний журнал. 1972. № 2.
- Тереножкин О.І.* Розвідки і розкопки 1949 р. в північній частині Кіровоградської області // Археологія. 1952. Т. VII.
- Тункина И.В.* Первый исследователь скифских курганов: к биографии А.П. Мельгунова (1722–1788) // Очерки истории отечественной археологии. Вып. 2. М., 1998.
- Тункина И.В.* Сокровища Литого кургана и академик Г.Ф. Миллер // ВДИ. 2006. № 3.
- Черненко Е.В.* Древнейшие скифские парадные мечи: Мельгунов и Келермес // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
- Metdepenningen C.* La relation entre l'art urarteen au temps du roi Rusa II et les epees-akinakes de Kelemermes et de Melgounov // Iranica Antiqua. V. 32. Leiden, 1997.
- Michel S.* Der Fisch in der skythischen kunst: zur Deutung skythischer Bildinhalte // Europäische Hochschulschriften. Reihe. Bd. 38. Archäologie. Bd. 52. Frankfurt am Main; Berlin; Bern, 1995.
- Tunkina I.V.* Academician G.F. Miller and the Treasures from Litoi Kurgan // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2007.